

Оригинальная статья

УДК 330.101

DOI: 10.57070/2304-4497-2025-3(53)-131-143

ТЕНЕВАЯ ГРАНЬ РЕФОРМ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В УЗБЕКИСТАНЕ

© 2025 г. К. И. Курпаяниди

Международный институт пищевых технологий и инженерии (Республика Узбекистан, 150100, Фергана, ул. Аль-Ферганий, 204)

Аннотация. Теневая экономика как многослойный социально-экономический феномен представляет собой деятельность, осуществляющую вне официального контроля и статистического учета, включая циклы производства, распределения и потребления. В настоящей работе предлагается переосмысленный подход к ее анализу с учетом влияния на макроэкономические процессы и специфику проявления в Узбекистане. Актуальность исследования обусловлена системным характером теневого сектора, который снижает налоговые поступления, искажает статистику и тормозит рост, индицирует неэффективность политики. На основе выступлений Президента Шавката Мирзиёева (2024 – 2025 гг.) и данных статистики подчеркивается острота проблемы в строительстве, услугах и промышленности, где доля теневой активности превышает 40 %. Методология сочетает регрессионный анализ, косвенные индикаторы и качественные методы. Обзор литературы охватывает зарубежные концепции и отечественные подходы, классифицируя теневую экономику на «беловоротничковую», «серую» и «черную». Результаты показывают, что в 2024 г. ненаблюданная экономика Узбекистана составила 34,8 % ВВП (505,65 трлн сумов), с преобладанием в сельском хозяйстве (63,6 %) и строительстве (41,3 %). Коррупция (CPI 2024: 32 балла) выступает ключевым драйвером, усугубляемым фискальной нагрузкой, регуляторной плотностью и низким доверием. В обсуждении предлагается синкетический подход, объединяющий дисциплины для разработки стратегий: оптимизация налогов, цифровизация, усиление контроля. Заключение подчеркивает необходимость интеграции неформального сектора для устойчивого роста, с перспективой моделирования институциональных реформ.

Ключевые слова: теневая экономика, неформальный сектор, коррупция, фискальная политика, устойчивое развитие, институциональные реформы

Для цитирования: Курпаяниди К.И. Теневая грань реформ: институциональные вызовы модернизации в Узбекистане. *Вестник Сибирского государственного индустриального университета*. 2025;3(53):131–143. [http://doi.org/10.57070/2304-4497-2025-3\(53\)-131-143](http://doi.org/10.57070/2304-4497-2025-3(53)-131-143)

THE SHADOW SIDE OF REFORMS: INSTITUTIONAL CHALLENGES OF MODERNIZATION IN UZBEKISTAN

© 2025 K. I. Kurpayanidi

International Institute of Food Technology and Engineering (204 Al-Fergani str., Ferghana, 150100, Republic of Uzbekistan)

Abstract. The shadow economy as a multi-layered socio-economic phenomenon is an activity carried out outside of official control and statistical accounting, including cycles of production, distribution and consumption. The article offers a rethought approach to its analysis, with an emphasis on the impact on macroeconomic processes and the specifics of its manifestation in Uzbekistan. The relevance of the study is due to the systemic nature of the shadow sector, which reduces tax revenues, distorts statistics and slows down growth, but also indicates policy inefficiency. Based on the speeches of President Shavkat Mirziyoyev (2024 – 2025)

and statistical data, the severity of the problem in construction, services and industry is highlighted, where the share of shadow activity exceeds 40 %. The methodology combines regression analysis, indirect indicators and qualitative methods. The literature review covers foreign concepts and domestic approaches, classifying the shadow economy into "white collar", "gray" and "black". The results show that in 2024 The unobserved economy of Uzbekistan accounted for 34.8 % of GDP (505.65 trillion soums), with a predominance in agriculture (63.6 %) and construction (41.3 %). Corruption (CPI 2024: 32 points) is a key driver, exacerbated by fiscal pressures, regulatory density, and low trust. The discussion suggests a syncretic approach that combines disciplines to develop strategies: tax optimization, digitalization, and increased control. The conclusion highlights the need to integrate the informal sector for sustainable growth, with the prospect of institutional reforms.

Keywords: shadow economy, informal sector, corruption, fiscal policy, sustainable development, institutional reforms

For citation: Kurpayanidi K.I. The shadow side of reforms: institutional challenges of modernization in Uzbekistan. *Bulletin of the Siberian State Industrial University.* 2025;3(53):131–143. (In Russ.). [http://doi.org/10.57070/2304-4497-2025-3\(53\)-131-143](http://doi.org/10.57070/2304-4497-2025-3(53)-131-143)

Введение

Теневая экономика представляет собой многослойное явление, объединяющее деятельность экономических субъектов, осуществляемую вне границ официального государственного контроля и статистического учета. Этот феномен пронизывает общественно-экономические отношения, концентрируя в сегментах, недоступных для наблюдения и регулирования со стороны институциональных структур. Теневая экономика охватывает циклы производства, распределения и потребления товаров и услуг, а также предпринимательские инициативы, которые сознательно избегают взаимодействия с механизмами формальной экономической политики [1]. В настоящей работе представлены переосмысленный подход к анализу теневой экономики, ее влияния на макроэкономические процессы и особенности проявления в контексте Узбекистана.

Теневая экономика возникает в результате стремления экономических агентов минимизировать фискальные обязательства и обойти регуляторные нормы. Успешное уклонение от государственного надзора переводит такую деятельность в неформальный или нелегальный сектор, формируя параллельную экономическую реальность. Эта нерегулируемая сфера оказывает двойственное воздействие на экономическую систему [2]. С одной стороны, она сокращает налоговые поступления, ограничивая возможности государства обеспечивать общественные блага, что ведет к росту бюджетного дефицита или увеличению затрат на контрольно-надзорные меры. Это, в свою очередь, замедляет темпы экономического роста и усиливает диспропорции в распределении ресурсов. С другой стороны, существование теневого сектора может служить индикатором неэффективности экономической политики, стимулируя реформы и создавая предпосылки для

модернизации институциональной среды. Масштабы теневой экономики имеют не только экономические, но и социально-политические последствия, влияя на стабильность и доверие к государственным институтам.

В Узбекистане теневая экономика представляет собой значительный вызов для устойчивого развития, требующий детального анализа и выработки целенаправленных стратегий [3]. Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиеев обозначил эту проблему как одну из приоритетных, подчеркнув ее остроту на совещании 16 января 2024 г. В своем выступлении он отметил: «Значительная доля экономической активности в сферах услуг, строительства и промышленности остается в «тени», нанося колоссальный ущерб валовому внутреннему продукту и бюджету страны. В строительном секторе в 2023 г. более 40 % из 27 тысяч зарегистрированных компаний декларируют лишь одного сотрудника, несмотря на выполнение контрактов на миллиарды сумов» [4]. Эти данные иллюстрируют системный характер теневой экономики, которая подрывает фискальную базу, искачет статистическую картину и препятствует реализации долгосрочных целей экономического роста.

Актуальность изучения теневой экономики обусловлена скрытностью и сложностью, которые затрудняют ее учет в рамках традиционных статистических систем. Этот сектор представляет собой совокупность разнообразных социально-экономических процессов, отличающихся по происхождению, масштабам и механизмам функционирования [5]. Его многоаспектность проявляется в том, что он включает как легальную, но неформальную деятельность (самозанятость без регистрации), так и откровенно противоправные операции (нелегальное производство). Такая двойственность требует комплекс-

ного подхода к анализу, учитывающего экономические и институциональные факторы [6].

Теневая экономика представляет собой сложный социально-экономический феномен, который выходит за рамки официального контроля и оказывает значительное влияние на развитие государства. В Узбекистане ее масштабы, особенно в таких секторах как строительство, услуги и промышленность, подчеркивают необходимость разработки адресных мер по ее сокращению. Изучение теневой экономики требует интеграции количественных и качественных методов анализа, чтобы не только оценить ее размеры, но и выявить пути интеграции неформального сектора в легальную экономику. Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на создании институциональных механизмов, способных минимизировать теневую активность и обеспечить устойчивый экономический прогресс.

Методология исследования

Для анализа объемов теневой экономики применяли статистические методы, включая регрессионный анализ и оценку косвенных индикаторов (денежного оборота и энергопотребления), что помогло количественно измерить неучтенные экономические потоки. Дополнительно изучали экспертные мнения и стенограммы интервью с представителями академической среды, бизнеса и государственных структур. Этот качественный подход позволил выявить скрытые детерминанты теневой активности (институциональную слабость, коррупцию и недостатки налогового администрирования), а также оценить их влияние на экономическую систему.

Сравнительный анализ данных о теневой экономике в Узбекистане с аналогичными показателями других стран (включая государства с переходной экономикой и развитые рынки) выявил как общие закономерности, так и уникальные черты национального контекста. В Узбекистане значительная доля теневой активности сосредоточена в строительстве и сфере услуг, что отличает ее от стран с преобладанием нелегального производства. Этот подход не только обогатил понимание специфики проблемы, но и дал возможность заимствовать успешные практики противодействия из международного опыта.

На основе проведенного анализа были систематизированы ключевые причины теневой экономики в Узбекистане.

Обсуждение результатов

Изучение теневой экономики как многоаспектного социально-экономического явления начинается с определения ее сути и содержательного наполнения. Отсутствие единого мне-

ния в научной среде относительно дефиниции «теневой экономики» обусловливает разнообразие подходов к ее интерпретации в отечественной и зарубежной литературе. Концептуальное осмысление рассматриваемого феномена во многом опирается на зарубежные исследования, где теневая экономика обозначается множеством синонимичных терминов, отражающих ее многогранность. В англоязычной традиции используются следующие категории: *shadow economy* (теневая), *unsanctioned economy* (ненаказанная), *parallel economy* (параллельная), *second economy* (вторая) и *hidden economy* (скрытая). Французская научная школа предпочитает термины *économie inofficielle* (ненаказанная), *économie informelle* (ненаказанная) и *économie souterraine* (подпольная), тогда как немецкая традиция закрепила понятие *Schattenwirtschaft* (теневая экономика), близкое к отечественным трактовкам. Этот терминологический плюрализм подчеркивает сложность явления и необходимость его структурирования для дальнейшего анализа.

Теневая экономика изначально воспринимается как «бесцветное» явление, не обладающее четкой идентичностью в институциональном контексте. Однако через призму аналитических метаморфоз она приобретает условные «цветовые» категории («беловоротничковая», «серая» и «чёрная»), что позволяет дифференцировать ее структурные элементы. Истоки этой классификации уходят корнями в знаковое выступление Эдварда Х. Сазерленда, президента Американского социологического общества на 34-м ежегодном собрании в 1939 г. В докладе «Преступник из числа белых воротничков» он впервые обратил внимание на преступления, совершаемые представителями бизнес-элиты в рамках их профессиональной деятельности, заложив основу для переосмыслиния коррупции и экономической девиации [7]. В 1949 г. его монография *White Collar Crime: The Uncut Version* систематизировала концепцию «беловоротничковой преступности», став поворотным моментом в криминологии и экономической теории (Sutherland, 1983) [8]. Этот подход изменил фокус исследований, сместив его с традиционных правонарушений на институциональные формы экономической патологии.

Развитие методологии оценки теневой экономики в конце XX в. связано с именами зарубежных ученых (Фридрих Шнайдер), чьи исследования признаны эталонными в рассматриваемой области [9]. Австрийский экономист разработал комплексные подходы к измерению теневого сектора, демонстрируя, что его масштабы достигают пиковых значений в развивающихся

странах и государствах с переходной экономикой, тогда как в развитых экономиках этот показатель существенно ниже. По оценкам Шнайдера, теневая экономика в развивающихся странах может составлять до 40 – 50 % ВВП, что обусловлено низким уровнем институционального контроля, высокой коррупцией и слабостью налоговых систем. В развитых же странах (государства ОЭСР) ее доля редко превышает 10 – 15 %, что объясняется более эффективной системой правоприменения и прозрачностью экономических операций. Эти выводы стали отправной точкой для дальнейших исследований, подчеркивая глобальную неоднородность теневой экономики.

Отечественные ученые внесли значительный вклад в осмысление теневой экономики как многокомпонентного явления. Абдуллаева М. рассматривает ее как совокупность скрытых экономических процессов, ускользающих от официального учета и оказывающих дестабилизирующее воздействие на социальную и экономическую устойчивость [10]. Ее подход акцентирует внимание на системной природе теневой активности, подчеркивая ее взаимосвязь с коррупцией и неформальными практиками. В отличие от западных исследований, акцент М. Абдуллаевоймещен на социальные последствия, что делает ее анализ особенно актуальным для стран с переходной экономикой, где теневая деятельность часто компенсирует недостатки формальных институтов.

Ахмедов Ф. и Рахманов Л. в своих работах выделяют коррупцию как ключевой катализатор теневой экономики, подчеркивая, что борьба с этим явлением не только повышает уровень законности, но и способствует сокращению неформального сектора [11; 12]. Они утверждают, что усиление прозрачности и институциональной дисциплины создает предпосылки для справедливого экономического роста, минимизируя теневые потоки. Такой подход перекликается с глобальными трендами, однако адаптирован к специфике постсоветского пространства, где коррупция остается системным вызовом.

Глубокий анализ теневой экономики с точки зрения уголовно-правовых рамок представлен в работе [13], в которой исследуют коррупцию, взяточничество и коммерческий подкуп как составные элементы теневого сектора, уделяя внимание их правовой квалификации и отличительным признакам. Теневая экономика не ограничивается экономическими процессами, а пронизывает правовую сферу, создавая условия для институциональной деградации. Такой междисциплинарный подход позволяет рассматривать теневую экономику не только как экономи-

ческий, но и как юридический феномен, требующий комплексных мер регулирования.

В работе [14] рассматриваются методологические аспекты изучения теневой экономики, подчеркивая роль выборочных обследований как одного из ключевых инструментов. Однако они указывают на присущие этому методу ограничения, включая зависимость от субъективной готовности респондентов предоставлять достоверные данные и сложность оценки масштабов нелегальной деятельности. Эти выводы подтверждают необходимость разработки более точных аналитических инструментов (косвенные методы (анализ потребления электроэнергии, денежного оборота), которые активно применялись Шнайдером и его последователями. Указанные ограничения подчеркивают вызовы, с которыми сталкиваются исследователи при попытке измерить скрытые экономические процессы.

Современное понимание теневой экономики выделяет три ключевые категории, различающиеся по степени легальности и институциональной вовлеченности:

1. «Беловоротничковая» теневая экономика (*White-Collar Economy*). Рассматриваемый сегмент охватывает противоправные действия бизнес-элиты, непосредственно связанные с их официальной деятельностью. Это включает манипуляции с финансовой отчетностью, уклонение от налогов через легальные лазейки и злоупотребление служебным положением. В отличие от других форм теневой активности, «беловоротничковая» экономика обладает патогенной связью с официальными структурами, что делает ее особенно опасной для формирования конкурентной рыночной среды. Ее влияние препятствует развитию цивилизованных экономических отношений, усиливая неравенство и подрывая доверие к институтам.

2. «Серая» теневая экономика (*Grey Economy*). Эта категория характеризуется как «полуправовая» или неформальная деятельность, которая, будучи разрешенной законом, остается юридически неформализованной. Примеры включают мелкое предпринимательство без регистрации, самозанятость и услуги, оказываемые без налогового учета. Основной ресурс «серой» экономики – труд, а не капитал, что отличает ее от более структурированных секторов. Она существует относительно обособленно от официальной системы, сочетая легитимные операции с теневыми трансакционными издержками (уклонение от фискальных обязательств).

3. «Черная» теневая экономика (*Black Economy*). Метафора «черного цвета» отражает криминальную природу этого сегмента, связанного с производством и распространением за-

прещенных товаров и услуг (наркотики, контрафакт, незаконная торговля). «Черная» экономика делится на две подкатегории: нелегальное производство и экономическую преступность (хищения, мошенничество). Ее абсолютная противоправность исключает возможность интеграции в легальное экономическое пространство, делая ее социально деструктивной и требующей жестких мер противодействия.

Теневая экономика как сложное социально-экономическое явление представляет собой мегаинститут, функционирующий вне рамок государственного статистического учета и правового регулирования. Она охватывает легальные, но неформальные, а также криминальные операции, осуществляемые через нарушение закона или путем маскировки под легитимные практики. Это делает ее объектом интереса для различных дисциплин: экономисты изучают ее влияние на ВВП, налоговую базу и бюджетные потоки, используя статистические и регрессионные методы; юристы анализируют правовые нарушения, включая коррупцию и нелегальные операции, с фокусом на их юридическую квалификацию; социологи исследуют социальные последствия (неравенство и утрата доверия к институтам), применяя качественные методы, включая интервью и опросы; политологи выявляют институциональные предпосылки, подчеркивая роль слабости государственного управления и избыточной регуляторной плотности.

В этой связи предлагается синкетический подход – междисциплинарная методология, интегрирующая аналитические инструменты и концептуальные рамки экономики, юриспруденции, социологии и политологии в единую парадигму. Этот подход сочетает количественные и качественные методы, обеспечивая целостное понимание генезиса, функционирования и последствий теневой экономики. Он позволяет рассматривать ее как системное явление, присущее развитым обществам, но ускользающее от формального контроля. В контексте Узбекистана, где институциональная коррупция и фискальная нагрузка выступают ключевыми драйверами, синкетический подход способствует разработке адресных стратегий по сокращению теневого сектора, учитывающих национальную специфику и направленных на усиление прозрачности, оптимизацию регулирования и интеграцию неформальной деятельности в легальную экономику.

С момента вступления в должность Президента Республики Узбекистан Шавкат Мирзиев обозначил борьбу с коррупцией как приоритет своей политики. Международные организации, включая Антикоррупционную сеть ОЭСР, в от-

чете за апрель 2019 г. отметили, что избыточное вмешательство государства в экономику, сопровождаемое сложной бюрократией, лицензированием и проверками, создало питательную среду для системной коррупции. ОЭСР зафиксировала первые шаги Узбекистана в направлении антикоррупционных реформ, поддержанные на высшем уровне, однако их реализация оставалась ограниченной и требовала дальнейшего развития.

В июне 2020 г. было создано Агентство по борьбе с коррупцией, призванное координировать национальные усилия в этой сфере. Его эффективность подкреплялась Национальным советом под руководством Сената, что усилило парламентский контроль. Прогресс в сокращении коррупции был признан международными наблюдателями в рамках предыдущей стратегии развития. В мае 2023 г. парламент принял законы, направленные на минимизацию конфликтов интересов среди чиновников, а новая Конституция передала полномочия по назначению главы Агентства от Президента к Сенату. По Указу президента от 21 апреля 2025 г. в Генеральной прокуратуре был создан отдел по анализу факторов, способствующих коррупции. Тем не менее, гражданское общество выражает озабоченность сохранением связей высокопоставленных лиц с бизнесом, что подрывает доверие к реформам.

Теневая экономика, охватывающая неучтенные операции, уклонение от налогов и нелегальную занятость, остается серьезным препятствием для устойчивого развития Узбекистана. Она включает неформальную занятость в строительстве, скрытую торговлю на базарах и неучченное производство в сельском хозяйстве.

Исторические факторы, укорененные в советском наследии (централизованное планирование и слабая институциональная культура), в сочетании с современными барьерами, включая избыточную бюрократию, непрозрачность административных процессов и недостаточную подотчетность государственных структур, создают благоприятные условия для расширения теневой экономики. Эти элементы способствуют уклонению от налогов, неформальной занятости и коррупционным практикам, подпитывая ее устойчивый рост.

Изучение теневой экономики как сложного социально-экономического явления требует системного анализа факторов, обуславливающих ее генезис и масштабы. В настоящем исследовании выделены ключевые детерминанты, определяющие динамику теневого сектора, которые рассматриваются через призму междисциплинарного подхода:

1. Фискальная нагрузка. Высокий уровень налогового давления побуждает экономических

агентов уклоняться от уплаты налогов на доходы физических лиц и на добавленную стоимость, что стимулирует переход в теневую сферу.

2. Социальные отчисления. Обязательные взносы на социальное страхование часто становятся объектом избегания, поскольку их обход воспринимается как экономически более выгодная стратегия для участников рынка.

3. Регулирование рынка труда. Жесткие нормы трудового законодательства, включая требования к минимальной заработной плате, ограничения рабочего времени и стандарты безопасности, нередко подталкивают работодателей к использованию неформальных схем занятости.

4. Регуляторная плотность. Избыточное нормативное бремя в формальной экономике создает барьеры для бизнеса, провоцируя уход в нерегулируемый сектор как способ минимизации издержек.

5. Гражданская вовлеченность. Низкий уровень доверия к государственным институтам, вкупе с ограниченным участием населения в общественных процессах, усиливает предпосылки для расширения теневой активности.

6. Налоговая дисциплина. Слабо сформированная культура уплаты налогов и моральное неприятие фискальных обязательств среди населения выступают катализаторами неформальных экономических практик.

7. Качество государственного управления. Неэффективность исполнительных органов и высокий уровень коррупции подрывают единственность регуляторных механизмов, создавая благоприятные условия для теневых операций.

Осмысление этих факторов в рамках мультидисциплинарной научной парадигмы, объединяющей экономику, социологию и институциональный анализ, закладывает основу для разработки целенаправленных стратегий по сокращению теневой экономики. Понимание ее драйверов позволяет не только диагностировать проблему, но и предлагать меры по ее минимизации, адаптированные к конкретным социально-экономическим условиям.

В настоящий момент размер неформальной экономики Узбекистана оценивается Ежеквартальным исследованием неформальной экономики (QIES) журнала *World Economics* (Лондон) в 28,4 %, что составляет около 96 млрд долларов США по уровню ВВП по ППС [15].

Проведенный анализ данных Национального статистического комитета Республики Узбекистана за 2024 г., касающихся масштабов ненаблюданной экономики, показал, что объем этого сектора в прошлом году превысил 500 трлн. сумов, достигнув валовой добавленной стоимости в 505,65 трлн. сумов, что эквивалентно примерно 40 млрд. долларов США. Этот показатель составляет

34,8 % валового внутреннего продукта (ВВП) страны, который за тот же период вырос на 6,5 % и составил 1,45 квадриллиона сумов (около 115 млрд. долларов). Подобная динамика свидетельствует о значительном прогрессе в экономическом росте, однако одновременно подчеркивает сохраняющуюся проблему высокой доли ненаблюданной экономики, требующей глубокого научного осмысления и стратегических решений.

Ненаблюданная экономика (концептуальная категория) охватывает два фундаментальных сегмента: неформальную и теневую деятельность. По данным Национального статистического комитета Республики Узбекистана неформальный сектор в 2024 г. сформировал основной объем (383,64 трлн. сумов или 26,4 % ВВП), в то время как теневая экономика оценивается в 122 трлн. сумов (8,4 % ВВП). Неформальная экономика традиционно включает легальную, но неучтенную деятельность (мелкое предпринимательство и самозанятость), тогда как теневой сегмент объединяет нелегальные операции, уклонение от налогов и коррупционные практики [16]. Такая структура отражает двойственную природу ненаблюданной экономики, которая одновременно поддерживает занятость значительной части населения и создает барьеры для прозрачного экономического управления.

Секторный анализ выявляет существенные различия в доле ненаблюданной экономики по отраслям. Наибольший (63,6 %) удельный вес зафиксирован в сельском, лесном и рыбном хозяйствах, что объясняется высокой степенью неформальной занятости в аграрных регионах и ограниченным охватом статистического учета. Значительный вклад вносят строительная отрасль (41,3 %) и сфера услуг (40,1 %), в которых преобладают наличные расчеты и неформальные трудовые отношения. Однако, промышленный сектор демонстрирует относительно низкий (менее 9 %) уровень ненаблюданной активности, что связано с большей формализацией производственных процессов и контролем со стороны государства. Эти данные указывают на структурные особенности национальной экономики, где традиционные отрасли остаются менее интегрированными в формальные институты.

Сравнительный взгляд на предыдущие оценки подчеркивает эволюцию проблемы. В сентябре 2023 г. независимые эксперты оценивали объем теневой экономики в 32 млрд долларов, что составляло около 40 % ВВП, превышая текущие показатели. Основными движущими силами теневой активности остаются вторичный рынок недвижимости и автотранспорта, аграрный сектор, неформальная розничная торговля и услуги. При этом в 2023 г. «скрытая» экономи-

ка, по данным Национального статистического комитета, достигла почти 100 трлн сумов, причем 80 % этого объема приходилось на сферу услуг. Снижение доли теневого сектора в 2024 г. до 8,4 % ВВП может свидетельствовать о первых результатах мер по формализации экономики, хотя общий масштаб ненаблюдаемой деятельности остается значительным.

В ответ на эти вызовы государственные органы предпринимают шаги для сокращения нелегального сектора. В июле 2024 г. Генеральная прокуратура Узбекистана запустила цифровую инициативу, включающую Telegram-бот, призванный повысить прозрачность за счет вовлечения граждан в процесс мониторинга нарушений и разработки предложений по сокращению теневой экономики. Этот инструмент отражает современный подход к решению институциональных проблем, однако его эффективность требует дальнейшего эмпирического анализа. Кроме того, усилия по формализации экономики сопровождаются попытками усилить налоговую дисциплину и расширить цифровые платежи, что потенциально может снизить долю наличных расчетов, особенно в сфере строительства и услуг.

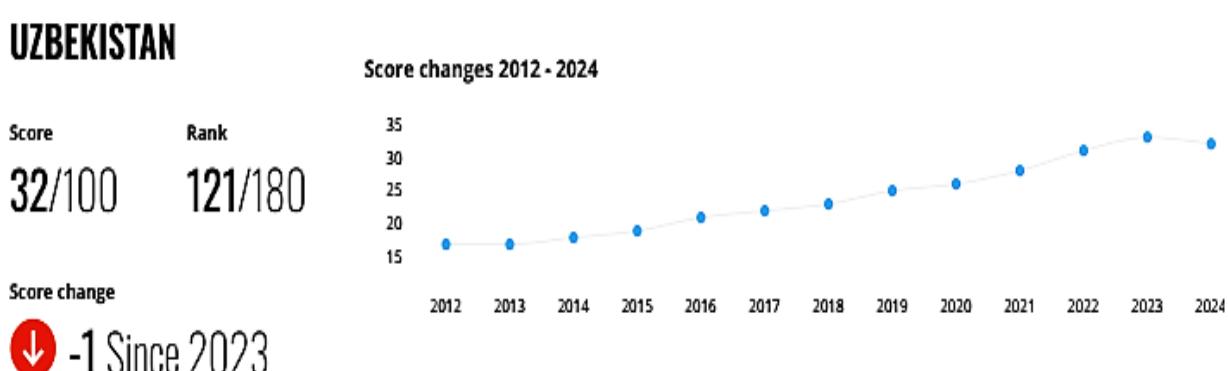
С научной точки зрения, настолько высокий уровень ненаблюдаемой экономики представляет собой как вызов, так и возможность для Узбекистана. С одной стороны, он ограничивает налоговую базу, искажает статистические данные и препятствует реализации масштабных программ устойчивого развития. С другой стороны, неформальный сектор играет ключевую роль в обеспечении занятости и поддержании социальной стабильности в условиях ограниченного доступа к формальным рынкам труда. Для минимизации негативных эффектов необходима комплексная стратегия, включающая институциональные реформы, укрепление правоприменения и стимулирование перехода к цифровой экономике. Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на разработке моделей интеграции неформального

сектора в легальное экономическое пространство с учетом специфики национального контекста.

В работе [17] представлен анализ данных, опубликованных международной неправительственной организацией Transparency International в рамках Индекса восприятия коррупции (Corruption Perception Index, CPI) за 2024 г. Согласно новому рейтингу, Узбекистан занял 121-е место среди 180 стран, набрав 32 балла по 100-балльной шкале, где 0 отражает максимальный уровень коррупции, а 100 – ее практически полное отсутствие. Это незначительное снижение по сравнению с предыдущим годом (33 балла) стало первым откатом страны с 2012 г., когда ее показатель составлял всего 17 баллов (см. рисунок). В текущем рейтинге Узбекистан оказался на одном уровне с такими странами, как Ангола, Эквадор, Кения, Шри-Ланка и Того, что указывает на сохраняющиеся институциональные вызовы.

Регионы Восточной Европы и Центральной Азии демонстрируют один из самых низких средних показателей (35 баллов) в глобальном индексе, что подчеркивает системные проблемы в борьбе с коррупцией. Как отмечает Transparency International, слабость демократических институтов, эрозия верховенства права и нарастающая геополитическая нестабильность создают условия для роста коррупционных практик. Эти факторы не только подрывают доверие общества к государственным структурам, но и тормозят экономический прогресс, устойчивые реформы и реализацию экологических инициатив (борьба с изменением климата).

Среди стран региона лидерство удерживает Грузия (53 баллами), за которой следуют Армения (47 баллов) и Черногория (46 баллов), демонстрируя более успешные примеры институциональных преобразований. В то же время в нижней части рейтинга оказались Россия

Динамика показателя Индекса восприятия коррупции в 2012 – 2024 гг.
(по данным сайта <https://www.transparency.org/en/countries/uzbekistan>)

The dynamics of the Corruption Perception Index in 2012-2024

(according to the website <https://www.transparency.org/en/countries/uzbekistan>)

и Азербайджан (по 22 балла), Таджикистан (19 баллов) и Туркменистан (17 баллов), что отражает глубокие структурные проблемы. Казахстан с 40 баллами показывает умеренный прогресс, тогда как Кыргызстан с 25 баллами остается в зоне повышенного риска.

На глобальном уровне седьмой год подряд лидирует Дания с впечатляющими 90 баллами, опережая Финляндию (88 баллов) и Сингапур (84 балла). Напротив, Венесуэла (10 баллов), Сомали (9 баллов) и Южный Судан (8 баллов) замыкают рейтинг, иллюстрируя крайние проявления коррупционной деградации. Для Узбекистана и Центральной Азии в целом преодоление коррупционных барьеров остается критически важным условием для экономической модернизации и интеграции в глобальные процессы устойчивого развития.

Региональный анализ, проведенный компетентной организацией, выделяет ключевые институциональные и законодательные нововведения, позволившие Узбекистану значительно укрепить свои позиции в международных рейтингах за последние годы. Среди них можно отметить создание специализированного Агентства по борьбе с коррупцией, модернизацию правовой базы и содействие экономической либерализации. Эти меры сопровождались активизацией механизмов правоприменения, включая усиление нормативных регламентов и инициирование судебных процессов против ряда государственных служащих, уличенных в коррупционных практиках. Дополнительно правительство внедрило комплекс усиленных процедур внутреннего контроля и ревизий в министерствах и местных органах управления, направленных на пресечение взяточничества и других форм злоупотреблений.

Параллельно анализ выявляет сохраняющуюся проблему теневой экономики, которая охватывает значительные объемы производства в ключевых секторах (услугах, строительстве и промышленности). По оценкам неучтенная продукция в этих отраслях достигает десятков триллионов сумов, что приводит к потерям валового внутреннего продукта на уровне 135 трлн сумов и государственного бюджета в размере 30 трлн сумов. Показательным примером является строительный сектор, где 41 % предприятий декларируют наличие лишь одного сотрудника, хотя в 2023 г. они выполнили работы на сумму 4 трлн сумов [18]. Это свидетельствует о систематическом уклонении от налогов и искажении статистических данных. Несмотря на вовлеченность 14 ведомств в борьбу с теневой экономикой и экономическими преступлениями, отсутствие единой координационной системы снижает

эффективность этих усилий, подчеркивая необходимость институциональной консолидации.

Потери государства, связанные с теневой экономикой, могут выражаться следующими показателями:

1. Потеря налоговых доходов – неуплата налогов снижает потоки государственных доходов, что ограничивает возможности правительства в реализации социальных программ и инвестиций в экономическое развитие.

2. Несправедливая конкуренция – легальные предприятия, которые добросовестно уплачивают налоги и соблюдают правила, сталкиваются с конкуренцией от теневых предприятий, которые обходят законодательство и налоговые обязательства.

3. Риски для общественной безопасности – теневая экономика может быть связана с преступными группировками, торговлей запрещенными товарами, контрабандой и другими незаконными видами деятельности, что угрожает общественной безопасности и стабильности.

Традиционно коррупция воспринимается как индивидуальный акт незаконного обогащения, связанный с прямым нарушением закона. Однако подобная интерпретация игнорирует системные факторы, которые, будучи формально легальными, создают условия для теневой активности. К числу таких факторов относятся:

1. Продажа сертификатов и лицензий. Эти инструменты, призванные обеспечивать безопасность потребителей, нередко превращаются в механизмы извлечения ренты. Вместо повышения качества товаров они увеличивают издержки бизнеса, перекладываемые на конечных потребителей, что способствует росту цен и формированию скрытых доходов.

2. Льготы и субсидии «отечественным производителям». Масштабные бюджетные дотации, направленные на поддержку национальных компаний, часто распределяются непрозрачно, усиливая позиции отдельных игроков за счет налогоплательщиков и создавая благоприятную среду для коррупционных схем.

3. Чрезмерные государственные расходы. Экономические программы, реализуемые под предлогом развития, нередко сопровождаются увеличением налоговой нагрузки и государственного долга. Такие расходы, не всегда обоснованные с точки зрения эффективности, становятся источником теневых потоков капитала.

4. Протекционистские меры. Тарифные и нетарифные барьеры, направленные на защиту внутреннего рынка, в реальности обеспечивают монопольные прибыли ограниченному кругу бенефициаров за счет потребителей, усиливая

концентрацию экономической власти и коррупционный потенциал.

Эти практики, хотя и не попадают под классическое определение коррупции, обладают всеми ее признаками: они искажают рыночные механизмы, подрывают конкуренцию и способствуют перераспределению ресурсов в пользу узких групп интересов. Их масштабы значительно превышают влияние мелких коррупционных актов (бытовые взятки), которые традиционно находятся в фокусе общественного внимания.

Системная коррупция выступает ключевым фактором роста теневой экономики, масштабы которой в ряде стран достигают критических значений. В отличие от бытовых подношений, которые обычно имеют ограниченный локальный эффект, институциональные формы коррупции пронизывают экономику на макроуровне, формируя устойчивые теневые структуры. Например, протекционизм в торговле приводит к искусственно завышенному ценам, снижая доступность товаров для населения и стимулируя развитие неформальных рынков. Аналогично, непрозрачное распределение субсидий создает условия для уклонения от налогов и вывода капитала в теневой сектор.

Сравнительный анализ показывает, что экономический ущерб от таких явлений многократно превышает потери от мелкой коррупции. Если подношения врачу или учителю измеряются в сотнях или тысячах долларов, то системные схемы, связанные с государственными расходами или льготами, оперируют миллиардами. Это подтверждает необходимость смещения акцента в исследованиях теневой экономики с индивидуальных актов на институциональные механизмы.

Проведенное исследование выявило, что нормативно-правовая база противодействия теневой экономике и коррупции в Республике Узбекистан опирается на многоуровневую систему законодательных актов и международных обязательств. Основу составляют Конституция страны, общепризнанные нормы международного права и международные договоры, а также специализированные законы («О противодействии коррупции» от 3 января 2017 г. [19] и «Об открытии деятельности органов государственной власти и управления» от 5 мая 2014 г. [20]). Ключевую роль играют указы и постановления Президента, включая Постановление № ПП-5177 от 6 июля 2021 г. «О дополнительных мерах по эффективной организации деятельности по противодействию коррупции» [21], Указ № УП-6257 от 6 июля 2021 г., направленный на формирование непримитивности к коррупции и вовлечение общественности [22], а также Указ № УП-6013 от 29 июня 2020 г., посвященный совершенствова-

нию антикоррупционных механизмов [23]. Дополнительно значимы нормативные акты, регулирующие социальное партнерство (от 25 сентября 2014 г. [24]), государственные закупки (от 22 апреля 2021 г. [25]) и общественный контроль (от 12 апреля 2018 г. [26]), которые усиливают прозрачность и подотчетность.

Особое внимание в контексте сокращения теневой экономики удалено Стратегии «Узбекистан – 2030», утвержденной Указом Президента № УП-158 от 11 сентября 2023 г. [27]. В рамках ее 46-ой цели подчеркивается задача обеспечения фискальной устойчивости и оптимизации государственных обязательств. Достижение этой цели предполагает расширение налоговой базы за счет минимизации теневого сектора, что может стать драйвером повышения бюджетной эффективности и экономической стабильности. Таким образом, правовая инфраструктура Узбекистана демонстрирует комплексный подход к борьбе с теневой экономикой, сочетая институциональные реформы с акцентом на долгосрочные стратегические ориентиры.

Интегрированные стратегии сокращения теневой экономики: институциональный и технологический подходы

Теневая экономика, представляющая собой неформальные и нелегальные экономические операции, подрывает устойчивость национальных экономик, особенно в странах с переходным типом развития (Узбекистан). Для ее сокращения необходим синтез институциональных реформ, технологических инноваций и социальных мер. На основе анализа предлагается объединенная стратегия, структурированная по ключевым направлениям:

1. Оптимизация фискальных и регуляторных механизмов. Реформирование налоговой системы через снижение ставок, упрощение процедур уплаты налогов и лицензирования повышает конкурентоспособность легального бизнеса, снижая стимулы к теневой активности. Это дополняется отказом от избыточного протекционизма, что устраняет монопольные ренты и усиливает рыночные механизмы.

2. Усиление институционального контроля и правоприменения. Эффективное противодействие коррупции, организованной преступности и наркоторговле требует модернизации правоохранительных органов и судебной системы. Введение публичных реестров государственных расходов, субсидий и льгот с обязательным аудитом повышает подотчетность и минимизирует рентоориентированное поведение, укрепляя доверие к институтам.

3. Цифровизация экономических процессов. Внедрение современных ИТ-систем, включая блокчейн и платформы Центрального банка для B2B-расчетов [28], а также расширение безналичных платежей через мобильные приложения и QR-коды, обеспечивает прозрачность транзакций. Это снижает возможности для уклонения от налогов и таможенных сборов, усиливая эффективность фискальных органов.

4. Поддержка экономической и социальной интеграции. Развитие альтернативных источников финансирования малого и среднего бизнеса (например, микрокредитов) уменьшает зависимость от неформальных кредитов [29]. Одновременно создание систем социальной защиты для работников теневого сектора (доступ к страхованию и пенсиям) снижает их уязвимость и стимулирует переход в легальную занятость [30].

Предложенные меры опираются на институциональную теорию, рассматривающую теневую экономику как результат слабости формальных правил и высоких трансакционных издержек легальной деятельности. Цифровизация и прозрачность сокращают информационную асимметрию, а социальная поддержка устраняет структурные барьеры для формализации. Их реализация требует адаптации к национальным особенностям Узбекистана, включая образовательные программы для повышения налоговой культуры и координацию между ведомствами. Такой подход не только минимизирует теневые потоки, но и способствует долгосрочному экономическому росту.

Выводы

Теневая экономика представляет собой сложный и многоуровневый феномен, который не поддается упрощенному анализу. Ее структура охватывает спектр форм экономической деяния: от «беловоротничковой» (связанной с институциональными злоупотреблениями) до «серой» (неформальной, но частично легальной) и «черной» (откровенно криминальной) составляющих. Такое разнообразие требует переосмысления традиционных подходов к изучению этого явления.

Пересмотр концепции коррупции как системного фактора, охватывающего не только бытовые акты, но и такие практики как продажа сертификатов, необоснованные субсидии, избыточные государственные расходы и протекционизм, открывает новые горизонты для анализа теневой экономики. Эти элементы, формально встроенные в государственную политику, выступают ключевыми драйверами неформальной активности, превосходящими по масштабам традиционные коррупционные проявления. Раз-

работанные в исследовании теоретические рамки и практические рекомендации создают базу для более эффективного противодействия теневому сектору. Перспективы дальнейших исследований связаны с количественной оценкой влияния институциональной коррупции и моделированием путей ее интеграции в легальную экономическую систему.

В контексте Узбекистана динамика теневой экономики выявляет необходимость сбалансированного подхода, сочетающего усиление государственного контроля с созданием стимулов для перехода к прозрачным практикам. Успешная реализация такой стратегии способна оптимизировать ресурсное распределение, повысить конкурентоспособность страны на глобальной арене и обеспечить устойчивый экономический рост. Теневая экономик требует рефлексивного управления, ориентированного на долгосрочные результаты.

Стратегическая важность борьбы с теневой экономикой для Узбекистана заключается в ее интеграции в процессы модернизации и устойчивого развития. Взаимодействие государственных структур и частного сектора, направленное на повышение финансовой прозрачности и экономической дисциплины, играет центральную роль. Реализация этих мер позволит существенно сократить масштабы нелегального оборота и укрепить траекторию поступательного экономического прогресса страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борьба с теневой экономикой. URL: <https://new-department.uz/ru/cooperation/fight/?print=Y> (дата обращения 22.02.2025).
2. Dell'Anno R. Theories and definitions of the informal economy: A survey. *Journal of Economic Surveys*. 2022;36(5):1610–1643.
3. Abduganiev J. Shadow Economy in Uzbekistan: National Trends and International Perspectives. *Academia Open*. 2025;10(1). <https://doi.org/10.21070/acopen.10.2025.10548>
4. «Теневая экономика – препятствие для честно работающего бизнеса» – президент Узбекистана. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/01/16/shadow-economy/> (дата обращения 22.02.2025)
5. Kurrayanidi K. Multidimensional Approach to Combating the Shadow Economy: Theory and Practice. *Бюллетень науки и практики*. 2024;10(5):424–431.
6. Makarova N.N., Chusov I.A., Kravtsova O.V. Shadow economy: content and structure. *Shadow Economy*. 2023;7(4):335–346. <https://doi.org/10.18334/tek.7.4.120321>

7. Sutherland E.H. Is “white-collar crime” crime? In: *White-collar Criminal*. Routledge. 2017:3–19.
8. Schneider Friedrich. Скрываясь в тени. Рост подпольной экономики. *International Monetary Fund, Publication Services*. 2003; 24-32.
9. Sutherland E.H. *White collar crime: The incut version*. Yale University Press. 1983. 320.
10. Абдуллаева М. Теневая экономика, ее влияние на экономическую систему. In *Library*. 2021.21(4):86–101. URL: <https://inlibrary.uz/index.php/archive/article/view/8763> (дата обращения 22.02.2025).
11. Ахмедов Ф. Ўзбекистонда яширин иқтисодиет улушини қисқартириш масалалари. *Iqtisodiy taraqqiyot va tahlil*. 2023;1(5):77–83.
12. Рахманов Л. Ўзбекистонда хуфиёна иқтисодиётни улушини камайтиришда молиявий инструментлардан самарали фойдаланиш масалалари. *Iqtisodiy taraqqiyot va tahlil*. 2023;1(6):189–195.
13. Алимов Г.А., Исройлов Б.И. *Теневая экономика, коррупция, взяточничества: уголовно-правовая оценка*. Ташкент: Изд-во «Адолат», 2020:185.
14. Буров В.Ю., Худайназаров А.К., Маматкулов И.А. Теневая экономика в Узбекистане: оценка ее размера и структуры на основе выборочного опроса предприятий. *Теневая экономика*. 2020;4(1):23–46.
15. Ежеквартальное исследование неформальной экономики (QIES) журнала *World Economics*, Лондон. URL: <https://www.worldeconomics.com/Informal-Economy/Uzbekistan.aspx> (дата обращения 22.02.2025).
16. Производство валового внутреннего продукта Республики Узбекистан за 2024 г. URL: https://stat.uz/img/02_-vvp_press-reliz-2024_rus_p74252.pdf (дата обращения 22.02.2025).
17. Corruption Perceptions Index. Eastern Europe and Central Asia Uzbekistan. Электронный ресурс. Режим доступа. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2024/index/uzb> (дата обращения 22.02.2025).
18. В Узбекистане усилият борьбу с теневой экономикой. URL: <https://anhor.uz/news/dark-economy/> (дата обращения 22.02.2025).
19. О противодействии коррупции. Закон Республики Узбекистан, от 03.01.2017 г. № ЗРУ-419. Электронный ресурс. Режим доступа URL: <https://lex.uz/docs/3088013> (дата обращения 22.02.2025).
20. Об открытости деятельности органов государственной власти и управления. Закон Республики Узбекистан. Закон Республики Узбекистан, от 05.05.2014 г. № ЗРУ-369. URL: <https://lex.uz/docs/2381138> (дата обращения 21.02.2025).
21. О дополнительных мерах по эффективной организации деятельности по противодействию коррупции. Постановление Президента Республики Узбекистан, от 06.07.2021 г. № ПП-5177. URL: <https://lex.uz/docs/5495538> (дата обращения 22.02.2025).
22. О мерах по созданию среди нетерпимого отношения к коррупции, кардинальному сокращению коррупционных факторов в государственном и общественном управлении, а также широкому вовлечению общественности в этот процесс. Указ Президента Республики Узбекистан, от 06.07.2021 г. № УП-6257. URL: <https://lex.uz/docs/5495531> (дата обращения 22.02.2025).
23. О дополнительных мерах по совершенствованию системы противодействия коррупции в Республике Узбекистан. Указ Президента Республики Узбекистан, от 29.06.2020 г. № УП-6013. URL: <https://lex.uz/docs/5495531> (дата обращения 22.02.2025).
24. О социальном партнерстве. Закон Республики Узбекистан, от 25.09.2014 г. № ЗРУ-376. URL: <https://lex.uz/docs/2468216> (дата обращения 22.02.2025).
25. О государственных закупках. Закон Республики Узбекистан, от 22.04.2021 г. № ЗРУ-684. URL: <https://lex.uz/docs/5382983> (дата обращения 22.02.2025).
26. Об общественном контроле. Закон Республики Узбекистан, от 12.04.2018 г. № ЗРУ-474. URL: <https://lex.uz/docs/3679099> (дата обращения 22.02.2025).
27. О Стратегии «Узбекистан – 2030». Указ Президента Республики Узбекистан, от 11.09.2023 г. № УП-158. URL: <https://lex.uz/ru/docs/6600404> (дата обращения 22.02.2025).
28. Kurpayanidi K. Raqamli iqtisodiyot sharoitida axborot kamchiliklari va institusional cheklovlarini bartaraf etish. *Iqtisodiyot Va ta'lim*. 2023;24(5):45–50. https://doi.org/10.55439/ECED/vol24_iss5/%x
29. Курпаяниди К.И. Сценарии развития экономики Узбекистана в условиях нестабильности. *Экономика Центральной Азии*. 2023;7(1):63–80.
30. Сулейманов С. *Теоретические основы противостояния преступности потребительском рынке*. Litres. 2022. 143.

REFERENCES

1. Fighting the shadow economy. URL: <https://new-department.uz/ru/cooperation/fight/?print=Y> (accessed 22.02.2025).

2. Dell'Anno R. Theories and definitions of the informal economy: A survey. *Journal of Economic Surveys*. 2022;36(5):1610–1643.
3. Abduganiev J. Shadow Economy in Uzbekistan: National Trends and International Perspectives. *Academia Open*. 2025;10(1). <https://doi.org/10.21070/acopen.10.2025.10548>
4. "The shadow economy is an obstacle for honest business" – the President of Uzbekistan. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/01/16/shadow-economy/> (accessed 22.02.2025).
5. Kurpayanidi K. Multidimensional Approach to Combating the Shadow Economy: Theory and Practice. *Бюллентень науки и практики*. 2024;10(5):424–431.
6. Makarova N.N., Chusov I.A., Kravtsova O.V. Shadow economy: content and structure. *Shadow Economy*. 2023;7(4):335–346. <https://doi.org/10.18334/tek.7.4.120321>
7. Sutherland E.H. Is "white-collar crime" crime? In: *White-collar Criminal*. Routledge. 2017:3–19.
8. Schneider Friedrich. Скрываясь в тени. Рост подпольной экономики. *International Monetary Fund, Publication Services*. 2003; 24-32.
9. Sutherland E.H. *White collar crime: The uncut version*. Yale University Press. 1983. 320.
10. Abdullayeva M. Shadow economy, its impact on the economic system. In: *Library*. 2021;21(4):86–101. URL: <https://inlibrary.uz/index.php/archive/article/view/8763> (accessed 22.02.2025).
11. Akhmedov F. Issues of reducing the share of the hidden economy in Uzbekistan. *Iqtisodiy taraqqiyot va tahlil*. 2023;1(5):77–83.
12. Rakhmanov L. Uzbek Khufian economy by ulushin kamaity-Rishda financial instrumentalist samarali foydalanish masalalari. *Iqtisodiy taraqqiyot va tahlil*. 2023;1(6):189–195.
13. Alimov G.A., Isroilov B.I. *Shadow economy, corruption, bribery: criminal and legal assessment*. Tashkent: Izd-vo "Adolat", 2020:185.
14. Burov V.Yu., Khudainazarov A.K., Mamatkulov I.A. Shadow economy in Uzbekistan: assessment of its size and structure based on a sample survey of enterprises. *Tenevaya ekonomika*. 2020;4(1):23–46. (In Russ.).
15. Quarterly Informal Economy Survey (QIES) of the World Economics Journal, London. URL: <https://www.worldeconomics.com/Informal-Economy/Uzbekistan.aspx> (accessed 22.02.2025). (In Russ.).
16. Production of the gross domestic product of the Republic of Uzbekistan in 2024. URL: https://stat.uz/img/02_-vvp_press-reliz-2024_rus_p74252.pdf (accessed 22.02.2025). (In Russ.).
17. Corruption Perceptions Index. Eastern Europe and Central Asia Uzbekistan. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2024/index/uzb> (accessed 22.02.2025).
18. Uzbekistan will strengthen the fight against the shadow economy. URL: <https://anhor.uz/news/dark-economy/> (accessed 22.02.2025). (In Russ.).
19. On combating corruption. The Law of the Republic of Uzbekistan, dated 03.01.2017 ZRU-419. URL: <https://lex.uz/docs/3088013> (accessed 22.02.2025). (In Russ.).
20. On the openness of the activities of public authorities and management. The Law of the Republic of Uzbekistan. The Law of the Republic of Uzbekistan, dated 05.05.2014 ZRU-369. URL: <https://lex.uz/docs/2381138> (accessed 02/21/2025). (In Russ.).
21. On additional measures for the effective organization of anti-corruption activities. Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan, dated 07/06/2021, No. PP-5177. URL: <https://lex.uz/docs/5495538> (accessed 22.02.2025). (In Russ.).
22. On measures to create an environment of intolerance towards corruption, drastically reduce corruption factors in public and public administration, as well as broad public involvement in this process. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan, dated 07/06/2021, No. UP-6257. URL: <https://lex.uz/docs/5495531> (accessed 22.02.2025). (In Russ.).
23. On additional measures to improve the anti-corruption system in the Republic of Uzbekistan. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan, dated 06/29/2020, No. UP-6013. URL: <https://lex.uz/docs/5495531> (accessed 22.02.2025). (In Russ.).
24. About social partnership. The Law of the Republic of Uzbekistan, dated 25.09.2014 No. ZRU-376. URL: <https://lex.uz/docs/2468216> (accessed 22.02.2025). (In Russ.).
25. On public procurement. The Law of the Republic of Uzbekistan, dated 04/22/2021, No. ZRU-684. URL: <https://lex.uz/docs/5382983> (accessed 22.02.2025). (In Russ.).
26. About public control. The Law of the Republic of Uzbekistan, dated 04/12/2018, No. ZRU-474. URL: <https://lex.uz/docs/3679099> (accessed 22.02.2025). (In Russ.).
27. On the Strategy "Uzbekistan – 2030". Decree of the President of the Republic of Uzbekistan, dated 11.09.2023, No. UP-158. URL: <https://lex.uz/ru/docs/6600404> (accessed 22.02.2025). (In Russ.).

28. Kurpayanidi K. Raqamli iqtisodiyot sharoitida axborot kamchiliklari va institutsional cheklavlarni bartaraf etish. *Iqtisodiyot Va ta'lim*. 2023;24(5):45–50.
https://doi.org/10.55439/ECED/vol24_iss5/%ex
29. Kurpayanidi K.I. Scenarios for the development of the Uzbek economy in conditions of instability. *Ekonomika Tsentral'noi Azii*. 2023;7(1):63–80. (In Russ.).
30. Suleymanov S. *Theoretical foundations of the confrontation of crime in the consumer market*. Litres. 2022. 143. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Константин Иванович Курпаяниди, к.э.н., профессор, Международный институт пищевых технологий и инженерии
E-mail: antinari@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8354-1512
SPIN-код: 2321-7606

Information about the authors:

Konstantin I. Kurpayanidi, Cand. Sci. (Econ.), Professor, International Institute of Food Technology and Engineering
E-mail: antinari@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8354-1512
SPIN-код: 2321-7606

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare that there is no conflict of interest.

Поступила в редакцию 01.08.2025

После доработки 02.09.2025

Принята к публикации 08.09.2025

Received 01.08.2025

Revised 02.09.2025

Accepted 08.09.2025